

УДК 343.2/7(519)

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-4-609-620

EDN: NATSET

Оригинальная научная статья

Уголовно-правовой аспект корейской проблемы объединения Севера и Юга

Т. Р. Сабитов *Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация*✉ trsabitov@yandex.ru**А. А. Гилёв** *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация*✉ henmu1@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются перспективы воссоединения Южной и Северной Кореи. Помимо заявлений лидеров этих государств, анализу подверглись содержание и направленность уголовно-правовых норм Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики, касающихся охраны действующего политического строя и межнациональных отношений, а также динамика их изменений. Нормы уголовного права охраняют наиболее важные для функционирования общества отношения, поэтому могут свидетельствовать либо об озабоченности представителей власти двух государств Корейского полуострова проблемой их объединения, либо об отсутствии заинтересованности в этом. Цель исследования – выявить перспективы объединения корейского народа на основании анализа уголовного законодательства двух стран Корейского полуострова. К предмету исследования также относится судебная практика, характер которой дополняет представление, полученное от изучения действующего законодательства. В Южной Корее, при наличии успехов этого государства в сфере экономики, остро стоят проблемы пополнения населения, принадлежащего корейской нации, и ограничения миграции в страну. Кроме того, для Республики Корея важна охрана установленного либерально-демократического строя от влияния коммунистической идеологии Северной Кореи. Это все не могло не отразиться на уголовно-правовых нормах, в которых указанные проблемы решаются всесторонне и достаточно строго и которые больше олицетворяют собой барьер от указанной идеологии. В Северной Корее озабоченность проблемой объединения корейского народа также присутствует, но имеет другой характер. Судя по нормам уголовного права Корейской Народно-Демократической Республики, ее руководству важно поддержание и без того слабых дипломатических отношений с другими государствами, укрепление борьбы корейского народа за воссоединение страны и защита корейской нации в целом. Однако репрессивные методы реализации уголовно-правовых норм, направленных на охрану вышеназванных отношений, в итоге не дают Северной Корее шансов на объединение с Южной. Авторы статьи оценивают перспективы политического объединения двух стран Корейского полуострова как призрачные, вместе с тем продолжая надеяться на большее взаимодействие корейских народов между собой.

Ключевые слова: объединение Кореи, уголовная ответственность за незаконную миграцию, национальная безопасность, враждебная организация, преступления против государства и нации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сабитов Т. Р., Гилёв А. А.: Уголовно-правовой аспект корейской проблемы объединения Севера и Юга // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 609–620. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-609-620>. EDN: <https://elibrary.ru/natset>

Original scientific article

Criminal-Legal Aspect of the Korean Problem of Unification of North and South

T. R. Sabitov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ trsabitov@yandex.ru

A. A. Gilev

Siberian Institute of Management – a branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation

✉ henmul@yandex.ru

Abstract. This article explores the potential for reunification between South and North Korea. Beyond examining statements made by leaders of these countries, it analyzes the content and focus of the criminal laws of the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea, particularly regarding the preservation of political systems and inter-ethnic relations, along with changes over time. Criminal laws protect the relationships essential to societal function, which can indicate either concern or a lack of interest from the leadership of the Korean Peninsula's two states regarding reunification. The study aims to assess the prospects for Korean unification based on an analysis of the criminal legislation of both countries on the peninsula. Judicial practices that enhance the understanding derived from studying current legislation are also considered. In South Korea, despite its economic successes, the country faces significant challenges in maintaining a Korean population base and limiting immigration. Additionally, the Republic of Korea prioritizes safeguarding its liberal democratic system from North Korean communist ideology. These concerns are reflected in criminal law norms that comprehensively and stringently address these issues, symbolizing a barrier to North Korean ideological influence. In North Korea, concern for Korean reunification exists, albeit in a different form. According to the criminal laws of the DPRK, the leadership emphasizes maintaining weak diplomatic relations with other countries, reinforcing the Korean people's struggle for reunification, and protecting the Korean nation overall. However, the repressive methods employed by the DPRK to implement criminal norms ultimately hinder North Korea's chances of reunification with the South. The Authors assess the prospects for political unification of the two Korean states as unlikely, though they express hope for greater interaction between the Korean people.

Keywords: unification of Korea, criminal liability for illegal migration, national security, hostile organization, crimes against the state and nation

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Sabitov T. R., Gilev A. A. Criminal-Legal Aspect of the Korean Problem of Unification of North and South. *Siberian Law Review*. 2024;21(4):609-620. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-609-620>. EDN: <https://elibrary.ru/natset> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Искусственное разделение одного и того же народа путем обособления его в двух разных государствах всегда является для этого народа трагедией. В таких случаях затрудняются возникшие еще до разделения родственные связи лиц, живущих по разные стороны границы,

ухудшается экономическое сотрудничество. Для Южной Кореи проблема усугубляется также, с одной стороны, критическим для сохранения этноса уровнем рождаемости, с другой – всё более увеличивающимся притоком иностранных граждан для постоянного или временного проживания.

В некоторых случаях такое разделение воспринимается как ошибка, а объединение этноса в одно целое в последствии становится неизбежным, о чем свидетельствует, в частности, опыт ФРГ и ГДР. К сожалению, ситуация на Корейском полуострове говорит об обратном. По данным опроса о необходимости объединения, проведенного Корейским институтом национального объединения – KINU (Республика Корея), доля людей, согласных с необходимостью объединения, снижается с 2014 г. В частности, она упала с 69,3 % в 2014 г. до 52,9 % в 2024 г. За 10 лет доля таких людей снизилась примерно на 16 %, а это означает, что почти половина населения не верит в объединение Южной и Северной Кореи. При этом меньше всего верят в объединение Корейского полуострова люди, относящиеся к поколению миллениалов (20–30 лет) [1].

Программы по объединению Корейского полуострова предлагались как северной, так и южной стороной еще с 1960-х гг. При этом приход к какому-либо конкретному соглашению все время осложнялся влиянием США на Южную Корею и СССР на Северную [2].

Среди немногочисленных встреч Генерального секретаря Трудовой партии Кореи Ким Чен Ына с лидерами других государств значится две встречи с экс-президентом Республики Корея Мун Чже Ином (в 2018 и 2019 г.). Так, 27 апреля 2018 г. по инициативе северной стороны состоялся Внутрикоре́йский саммит¹. По мнению экспертов, такие встречи свидетельствуют о том, что «Ким Чен Ын пытается оттолкнуть США от Сеула, чтобы Северная и Южная Кореи могли взять

на себя инициативу в принятии решения о том, как обеспечить мир и стабильность на своем полуострове»².

Руководство Северной Кореи хотело бы провести объединение только на своих условиях. Для Южной Кореи это означало бы деградацию и возврат к прошлым трудностям в экономике, в связи с чем данное государство к настоящему времени выстроило прочный оборонительный барьер от северокорейского влияния.

Риторика лидеров обоих государств по поводу объединения может не всегда отражать их действительные намерения. В таком случае более полную картину возможности объединения Южной и Северной Кореи можно увидеть исследуя законодательство этих стран. И особенно показательным может быть уголовное право, нормы которого охраняют общество от посягательств на действительно важные для его функционирования отношения. Достаточно репрезентативным будет содержание уголовно-правовых норм, касающихся исследуемой проблематики, а также динамика и направленность изменения этих норм, свидетельствующие об озабоченности представителей власти двух государств Корейского полуострова проблемой объединения народов. Важной частью предмета исследования также является судебная практика, характер которой может менять представление, сформированное на основании действующего законодательства.

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Если ранее Республика Корея (далее – РК) была не слишком привлекательна для мигрантов, то наблюдающиеся

¹ *Fifield A., Parker A.* North Korea's Kim Jong Un invites South Korea's president to Pyongyang // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/north-koreas-kim-jong-un-has-invited-south-koreas-moon-jae-in-to-pyongyang/2018/02/10/d7db9dde-0ddd-11e8-998c-96deb18cca19_story.html (дата обращения: 22.09.2024).

² *South Korean and North Korean leaders meet for their third and possibly most challenging summit* // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/south-and-north-korea-summit-in-pyongyang-2018-9> (дата обращения: 20.01.2021).

в последнее десятилетие успехи ее экономики поменяли ситуацию. Существенный рост наблюдается в сфере образовательной, брачной, трудовой миграции. Все это сопровождается увеличением количества преступлений и иных правонарушений, значительная часть которых совершена мигрантами, имеющими неблагоприятное социальное положение, и нелегальными мигрантами [3, с. 326–327]. Это дало основание для выстраивания в государстве достаточно жесткой миграционной политики, не позволяющей иностранным гражданам оставаться в РК для постоянного проживания и «разбавлять» корейский этнос. С одной стороны, разработана программа, предусматривающая отсутствие штрафов и запрета на последующий въезд для трудовых мигрантов, добровольно выезжающих из РК. С другой стороны, в данную политику включены меры, предусматривающие, в частности, штрафы за нарушение пребывания в государстве, возлагаемые на приглашающую сторону [3, с. 323–324].

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона о миграции за границу от 9 марта 1962 г. № 1030 (в ред. от 28 марта 2023 г.) лица, желающие заниматься посредничеством в сфере иностранной миграции, должны пройти регистрацию в Министерстве иностранных дел РК. Такая деятельность, согласно данному закону, осуществляется только корпорациями в виде агентств³.

Данные меры в отношении мигрантов подкрепляются охранительными уголовно-правовыми нормами. Так, согласно ч. 1 ст. 15 Закона о миграции за границу подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок до 5 лет или штрафа в размере до 50 млн южнокорейских вон лицо, которое: 1) занимается деятельностью посредника по миграции за границу без регистрации такой деятельности в соответствии с данным законом; 2) осуществ-

вляет такое посредничество обманным путем или другими незаконными методами. Помимо этого, в соответствии с ч. 2 ст. 15 того же Закона о миграции за границу, наказанию в виде каторжных работ на срок до 1 года или штрафа в размере до 10 млн южнокорейских вон подлежит лицо, сообщившее ложную информацию в отчете о миграции за границу в соответствии с требованиями данного Закона.

Как видно из приведенного примера, уголовное законодательство РК кодифицировано не полностью. Статья 8 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК) гласит: «Общие положения настоящего Закона применяются к преступлениям, предусмотренным другими законами. Однако могут быть сделаны исключения, если в соответствующих законах и правилах предусмотрены специальные положения».

Согласно исследованию, проведенному Д. А. Добряковым, в систему уголовного законодательства РК входит также ряд специальных уголовных законов: Военный уголовный закон 1962 г., Закон о национальной безопасности 1980 г., Закон об ответственности за насильственные преступления 1961 г., Закон об ответственности за преступления против половой свободы личности 2012 г. и Закон о предотвращении торговли наркотиками 1995 г. Кроме того, имеются также законы, в которых регулирование специфических отношений сопровождается уголовно-правовыми запретами (уже упомянутый выше Закон о миграции за границу 1962 г., Закон о предпринимательстве в области мультимедийного интернет-вещания 2017 г. и др.), а также законы, имеющие косвенное отношение к уголовному праву (Закон об ответственности за проступки 2012 г., Закон о науке и технологиях 2001 г. и др.) [4, с. 84–86].

Что касается граждан – беженцев из Корейской Народно-Демократической

³ 해외이주법 : 법률 제17308호, 2020.5.26., 타법개정; 시행 2020.5.26. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lslInfoP.do?lsiSeq=218131#> (дата обращения: 22.09.2024).

Республики (далее также – КНДР), то политика в отношении них со стороны южнокорейского государства, по-видимому, является более лояльной. Как отмечает Э. Р. Расулов, «фактически граждане КНДР не рассматриваются как иностранные мигранты, поскольку по существующему законодательству беженцам (или переребечикам) из КНДР автоматически предоставляется статус граждан Республики Корея и формально они получают те же стартовые возможности, что и другие граждане страны» [3, с. 326].

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ в Южной Корее

Вместе с тем Южная Корея выстроила жесткую оборону от северокорейского идеологического влияния, что видно и по УК РК.

В статьях 93–99 УК РК, в которых закрепляются составы «преступлений, связанных с иностранной агрессией», используется термин «враждебное государство». В соответствии со ст. 102 УК РК любые иностранные государства или иностранные организации, враждебные РК, должны рассматриваться как враждебные государства. К числу враждебных государств относится также и КНДР, что признано высшей судебной инстанцией РК – Верховным судом.

Так, в одном из решений Верховного суда РК отмечено следующее: «Северная Корея является партнером в диалоге и сотрудничестве для мирного объединения страны, но, с другой стороны, несмотря на изменения в отношениях между Южной и Северной Кореей, она по-прежнему придерживается политики коммунистического объединения и замышляет свержение нашей либерально-демократической системы. По общепринятому мнению

Верховного суда, она также имеет характер антигосударственной организации»⁴.

Исходя из этого, формируются и уголовно-правовые нормы РК, направленные на обеспечение национальной безопасности, а также практика их применения.

1 декабря 1948 г. был принят Закон о национальной безопасности, который в основном был посвящен охране действующей власти. Как отмечает В. К. Будыка, избилующий оценочными терминами Закон о национальной безопасности 1948 г. уже находился в поле зрения Конституционного суда РК, который в 1990 г. признал неконституционными лишь отдельные положения данного закона, но не весь закон в целом [5, с. 25]. В итоге в 1991 г. Закон о национальной безопасности, в связи с решением Конституционного суда РК, был пересмотрен в сторону конкретизации некоторых положений⁵.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 «Тайное проникновение и побег» действующего Закона о национальной безопасности любое лицо, которое тайно проникает или сбегает с территории, находящейся под контролем антигосударственной организации, зная, что это поставит под угрозу существование государства, национальную безопасность страны или основы либерально-демократического порядка, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более 10 лет.

Еще более строго наказывается лицо, которое тайно проникает или сбегает с целью получения инструкций от антигосударственной организации или ее членов или уже получило инструкции от антигосударственной организации или ее членов, а также тайно проникает или сбегает для обсуждения методов осуществления целей такой организации или уже обсуждало методы осуществления целей такой

⁴ 국가 보안법 위반(찬양·고무등) : 대법원 2012.1.27. 선고 2010도8336 판결. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/precInfo.do?mode=0&precSeq=160244> (дата обращения: 22.09.2024).

⁵ 국가보안법 : 법률 제4373호, 1991.5.31., 일부개정; 시행 1991.5.31. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lInfo.do?lsiSeq=60214&lsId=&viewCls=lsRvsDocInfoR&chrClsCd=010102#> (дата обращения: 22.09.2024).

организации (ч. 2 ст. 6 Закона о национальной безопасности). В этом случае такое лицо подлежит наказанию в виде смертной казни, пожизненных каторжных работ или каторжных работ на срок более 5 лет⁶.

Покушение на данное преступление, в соответствии с ч. 4 ст. 6 Закона о национальной безопасности, также подлежит наказанию. Чуть менее строго, чем это предусмотрено ч. 1 ст. 6 данного закона, наказывается сговор с целью совершения рассматриваемого преступления или приготовление к нему. Максимальное наказание в виде каторжных работ в этом случае, в соответствии с ч. 5 ст. 6 Закона о национальной безопасности, составит 7 лет. Для преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 6 Закона о национальной безопасности, в аналогичном случае назначаются каторжные работы на срок 2 и более года (ч. 6 ст. 6).

Однако вряд ли можно сказать, что эта норма служит исключительно для осуществления политических репрессий, как это делается в Северной Корее. Считается, что данная статья и Закон о национальной безопасности в целом направлены против исходящей от иностранных граждан и организаций антигосударственной деятельности, которая ставит под угрозу безопасность страны.

В этой связи 31 мая 1991 г. в ч. 1 ст. 6 Закона о национальной безопасности был введен признак «осознание угрозы существованию государства, национальной безопасности страны или основам либерально-демократического порядка», который теперь подлежит обязательному доказыванию. Недоказанность этого признака, даже при наличии всех других признаков, перечисленных в норме, влечет вынесе-

ние оправдательного приговора либо отмену предыдущего решения суда.

Так, в 2014 г. апелляционным решением районного суда Чхунчхон гражданин Ли был оправдан при следующих обстоятельствах. Судом первой инстанции установлено, что Ли тайно проник в Северную Корею с целью оказать содействие за материальное вознаграждение своим родственникам, живущим там, в бегстве из Северной Кореи и обретению места жительства в Южной Корее, затем Ли вернулся в Южную Корею. Первой инстанцией данное деяние было квалифицировано по ч. 1 ст. 6 Закона о национальной безопасности. Однако апелляционная инстанция отметила, что деяния Ли по тайному проникновению в Северную Корею для помощи своим родственникам и получения за это прибыли нельзя понимать как представляющие опасность существованию государства, государственной безопасности или основам либерально-демократического порядка. В этой связи Ли был объявлен невиновным⁷.

Более того, в апелляционном решении было отмечено: «...действия обвиняемого, который позволил жителям Северной Кореи, пытавшимся бежать из Северной Кореи, избежать тирании и приехать в Южную Корею, можно рассматривать как, в конечном итоге, способствующие мирному объединению Севера и Юга. Таким образом, к этому должен применяться Закон о межкорейском обмене и сотрудничестве, а Закон о национальной безопасности в таких случаях не применим»⁸.

Целью Закона о межкорейском обмене и сотрудничестве, как указано в ст. 1 этого закона, является содействие миру и объединению Корейского полуострова путем определения вопросов, необходимых

⁶ Традиционно в законодательстве Республики Корея используется порядок перечисления видов наказаний от более строгого к менее строгому.

⁷ 국가보안법위반(편의제공) : 춘천지법 2014.10.1. 선고 2013노786 판결 : 상고. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/precInfoP.do?mode=0&precSeq=176217> (дата обращения: 22.09.2024).

⁸ Там же.

для содействия взаимному обмену и сотрудничеству между территорией к югу от военной демаркационной линии и территорией к северу от нее⁹. Закон достаточно требователен и строг к гражданам, что видно по обязанностям, предъявляемым к корейцам.

Так, все визиты граждан Южной Кореи в Северную Корею и граждан Северной Кореи в Южную Корею, в соответствии со ст. 9 Закона о межкорейском обмене и сотрудничестве, должны быть одобрены Министерством объединения. Данное одобрение закрепляется сертификатом, который может распространяться на разовое посещение либо иметь многократное применение в течение определенного срока. О таком визите необходимо заранее сообщить в указанное министерство, а в некоторых случаях о контакте должен быть составлен отчет (ст. 9-2 Закона о межкорейском обмене и сотрудничестве).

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Охрана национальной безопасности страны и основ либерально-демократического порядка в законодательстве РК осуществляется путем контроля не только над миграцией и простым перемещением корейцев между государствами Корейского полуострова, но и над чистотой южнокорейского информационного поля, в которое не дают проникать коммунистическим идеям, по крайней мере, в позитивном ключе.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона о национальной безопасности, лицо, которое хвалит, поощряет, пропагандирует или выражает сочувствие деятельности антигосударственной организации, ее членам или лицам, получающим от них

указания, осознавая при этом тот факт, что этим представляет угрозу (или наносит вред) существованию государства, его безопасности или основному либерально-демократическому порядку, или лицо, которое агитирует за смену государственного строя или пропагандирует ее, подлежит наказанию в виде каторжных работ сроком до 7 лет.

Такое же наказание предусмотрено ч. 5 ст. 7 Закона о национальной безопасности для тех лиц, которые изготавливают, импортируют, копируют, владеют, перевозят, распространяют, продают или приобретают документы, чертежи (схемы), другие предметы, имеющие изображения, с целью совершения действий, указанных в ч. 1 и некоторых других частях ст. 7 указанного закона¹⁰.

К антигосударственным в РК относят организации, поддерживающие партийно-государственный режим в КНДР, а также любые иные коммунистические и антиправительственные группы [6, с. 77].

В 2010 г. Окружной суд Инчхона оправдал владельца интернет-блога, не удалившего из своего пространства для публикации 13 сообщений, которые содержали исходящие от граждан Северной Кореи высказывания, угрожающие существованию и безопасности государства и основных либерально-демократических принципов РК.

Верховный суд РК в апелляционном решении указал, что размещенные на странице подсудимого выражения действительно носили подрывной характер и соответствовали их описанию в Законе о национальной безопасности. Однако, как обозначил суд, помимо умысла, в содеянном лицом необходимо также установить цель преступления, указанную в ч. 5

---

⁹ 남북교류협력에 관한 법률 (약칭: 남북교류협력법) : 법률 제10282호, 2010.5.14., 타법개정; 시행 2010.11.15. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=105245&ancYnChk=#0000> (дата обращения: 22.09.2024).

¹⁰ 국가보안법 : 법률 제4373호, 1991.5.31., 일부개정; 시행 1991.5.31. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=60214&lsId=&viewCls=lsRvsDocInfoR&chrClsCd=010102#> (дата обращения: 22.09.2024).

ст. 7 Закона о национальной безопасности. Такая цель не была установлена, а лишь совершение каких-либо из перечисленных в данной статье деяний не свидетельствует о наличии этой цели. Кроме того, Верховный суд РК указал, что «даже если оператор частного поста в Интернете не удалил его и оставил как есть, несмотря на то что имел право удалить его, нельзя сказать, что оператор частного поста в Интернете “владел” произведением другого человека, как это предусмотрено в ч. 5 ст. 7 Закона о национальной безопасности»¹¹. На этом основании Верховный суд РК принял решение оставить оправдательный приговор первой судебной инстанции в силе.

Объединение нации с позиции КНДР

Несмотря на то что в действующем Уголовном кодексе КНДР (в ред. от 14 мая 2012 г.)¹² (далее – УК КНДР) законодатель отказался от применения аналогии закона, в нем повсеместно используются оценочные термины наподобие «в антинациональных целях» или «в антигосударственных целях». При этом в УК КНДР наличествуют составы преступлений, являющиеся показателем действующего политического строя в Северной Корее, например, «Несообщение о преступлении против государства или нации» (ст. 72) или «Непринятие мер по предотвращению преступления против государства» (ст. 73). В то же время в уголовно-исполнительной системе нарушение прав человека представляет собой привычное явление.

Можно сделать вывод, что уголовное законодательство КНДР, так же как и уголовное законодательство РК, кодифицировано лишь частично. Как отмечает Ким Су

Ам, в дополнение к УК КНДР и Уголовно-процессуальному кодексу КНДР в Северной Корее действует отдельная система уголовного правосудия, позволяющая контролировать население. Одной из таких квазисудебных систем является Закон о контроле за социальной безопасностью, ст. 1 которого гласит: «Целью этого закона является содействие защите жизни, собственности и конституционных прав народа, а также защита национального суверенитета и социалистического строя КНДР» [7, р. 20]. О дополнительном характере Закона о контроле за социальной безопасностью идет речь в ст. 7, согласно которой данный закон служит для «установления принципов, методов и процедур, касающихся расследования и наказания нарушителей закона, не предусмотренных уголовным законодательством» [7, р. 20].

Остро стоящий вопрос о взаимоотношениях КНДР с другими государствами, включая Республику Корея, отражается также в нормах Особенной части УК КНДР.

Так, согласно ст. 66 УК КНДР, наказанию в виде исправительного труда (каторги) на срок более 10 лет подлежит иностранный гражданин, который не только помогает или предоставляет средства для помощи иностранному государству или иностранной организации в совершении вооруженной интервенции против КНДР, но и способствует разрыву дипломатических отношений с КНДР или аннулированию договора с ней.

Данное деяние относится к преступлениям против государства, находясь в разделе 1 главы 3 «Преступления против государства и нации». При наличии тенденции в УК КНДР к увеличению количества статей в Особенной части и корректировке их содержания, текст этой статьи,

¹¹ 국가 보안법 위반(찬양·고무등); 대법원 2012.1.27. 선고 2010도8336 판결. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/precInfoP.do?mode=0&precSeq=160244#AJAX> (дата обращения: 22.09.2024).

¹² 조선민주주의인민공화국 형법. URL: <http://www.yeslaw.com/lims/front/page/fulltext.html?pAct=view&PromulgationNo=172111> (дата обращения: 22.09.2024).

по сравнению со ст. 49 УК КНДР в редакции 1987 г., где была предусмотрена ответственность за это преступление¹³, не изменился. По-видимому, это свидетельствует о сохранении позиции северокорейского законодателя в отношении взаимодействия КНДР с другими странами. Северная Корея уже изолирована от большей части мирового сообщества, и дальнейшее политическое и экономическое отторжение, даже при сохранении действующего в стране политического строя, еще больше ослабит КНДР. Трудно поспорить с тем, что «выживаемость государства в современных условиях немислима без взаимодействия с иными странами» [8, с. 10].

В отличие от предыдущей статьи динамика содержания ст. 67 УК КНДР «Агрессия против иностранцев» уже более красноречиво свидетельствует о том, что законодатель придерживается линии, направленной на сохранение отношений с другими государствами.

Во-первых, существенно увеличен минимальный предел исправительных работ, назначаемых за данное преступление. Если согласно ст. 51 УК КНДР в редакции 1987 г. данный вид наказания назначался на срок от 3-х лет¹⁴, то в ст. 67 УК КНДР в редакции 2012 г. минимальный срок исправительных работ составляет уже 5 лет. Приотягчающих обстоятельствах (а таковые не были указаны в предыдущей редакции статьи) минимальный предел наказания вырастает до 10 лет, при этом, в соответствии со ст. 30 УК КНДР, максимальный срок этого наказания – 15 лет. Налицо обеспокоенность руководства КНДР данной проблемой.

Во-вторых, конкретизировано содержание деяния в рассматриваемом составе преступления. Если в ст. 51 УК КНДР предыдущей редакции наказывались «актив-

ные враждебные действия в отношении иностранцев, пребывающих в Республике, с целью ослабления отношений нашей страны с другими странами», то в действующей редакции ст. 67 УК КНДР в качестве таких действий названы «нарушение личной свободы или собственности иностранца». Данное изменение следует оценить как позитивное с точки зрения других государств, поскольку понятие «активные враждебные действия» носило явно оценочный характер и располагало к необоснованным репрессиям в отношении иностранцев.

Однако новый законодательный подход не мешает применять ст. 67 УК КНДР избирательно и проводить жесткие репрессии в отношении пребывающих в Северной Корее иностранных граждан. Так, в марте 2016 г. американский студент Отто Уормбир за кражу плаката политической пропаганды был приговорен к исправительным работам на срок 15 лет. В течение срока наказания в связи с жестоким обращением в месте отбывания наказания Уормбир впал в кому, после чего в июне 2017 г. был возвращен в США. Через несколько дней после возвращения на родину Уормбир, не приходя в сознание, скончался¹⁵.

Тема воссоединения страны поднимается в разделе 2 «Преступления против нации» главы 3 УК КНДР. Так, согласно ст. 68 УК КНДР, корейский гражданин, который под контролем империалистов подавляет борьбу народа за национальное освобождение или за воссоединение страны или предаст нацию, продавая национальные интересы империалистам, наказывается каторжными работами на срок более 5 лет. В случаях, когда лицо совершает тяжкое преступление, оно наказывается пожизненными каторжными

¹³ Иванов А. М., Корчагин А. Г. Уголовный закон и уголовная политика на Корейском полуострове (компаративный анализ) : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 136.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lee M. North Korea Releases Jailed American Student Otto Warmbier. URL: <https://web.archive.org/web/20170614224823/http://time.com/4816207/otto-warmbier-north-korea-release/> (дата обращения: 20.01.2021).

работами или смертной казнью с конфискацией имущества.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 69 УК КНДР, уже является иностранный гражданин. Если он подавляет национально-освободительную борьбу корейского народа или борьбу за воссоединение страны, то наказывается каторжными работами на срок от 5 до 10 лет. В случае совершения лицом тяжкого преступления оно наказывается исправительными работами на срок от 10 лет.

Объединению корейской нации посвящена и ст. 70 УК КНДР: «Иностранец, который с враждебными намерениями против корейской нации нарушает личную свободу или собственность корейского гражданина, проживающего или находящегося за границей, или вызывает национальную рознь, подлежит наказанию каторжными работами на срок от 5 до 10 лет. В случаях, когда лицо совершает тяжкое преступление, оно подлежит наказанию каторжными работами на срок более 10 лет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по содержанию уголовного законодательства КНДР и динамике его изменений, руководство этого государства действительно обеспокоено проблемой взаимоотношений с внешним миром, включая Республику Корея.

Об этом свидетельствует наличие в УК КНДР таких запретов, аналогов которых нет ни в УК РК, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации. Такие запреты содержат следующие нормы: об ответственности иностранцев, способствующих разрыву дипломатических отношений с КНДР или аннулированию договоров с ней; о запрете враждебных действий в отношении иностранцев, пребывающих в КНДР, с целью ослабления отношений этой страны с другими странами; противодействующие подавлению борьбы корейского народа за воссоединение страны;

о защите корейских граждан, проживающих или находящихся за границей.

Кроме того, некоторые из норм, включающие перечисленные запреты, достаточно давно существуют в неизменном виде, что может свидетельствовать о долгое время сохраняющейся проблеме. Другие же отмеченные нормы изменены в сторону ужесточения наказания за их нарушение, что говорит о недостаточной эффективности их предыдущих редакций.

В целом, исходя из риторики северо-корейского руководства и проведенного в настоящей работе исследования уголовного законодательства КНДР, складывается впечатление, что в объединении корейского народа в большей степени заинтересована северная сторона, нежели южная. Но это могло бы произойти только на условиях Северной Кореи, что сводит на нет шансы на объединение с Южной Кореей.

В свою очередь законодатель РК достаточно строг, даже иногда изобретателен, в выстраивании правовых барьеров от влияния северокорейской идеологии, которая считается в Южной Корее враждебной. Достаточно детально и требовательно регулируются вопросы перемещения граждан РК и граждан КНДР между государствами. При этом за незаконное посредничество такой миграции следует уголовное наказание.

В условиях низкой рождаемости корейской части населения в РК заинтересованы только лишь в бегущих в нее от авторитарного режима северокорейцев, но никак не во влиянии коммунистической идеологии на либерально-демократический порядок в Южной Корее. В связи с этим даже похвала КНДР, считающейся враждебным государством, наказывается в РК каторжными работами.

Динамика уголовно-правовых норм о национальной безопасности в Южной Корее свидетельствует о стремлении законодателя согласовать их с Конституцией РК, уточнив их содержание, и лишить данные

нормы репрессивной направленности. Об этом говорит включение в некоторые составы преступлений признака «осознание угрозы существованию государства, национальной безопасности страны или основ либерально-демократического порядка».

Наличие опубликованных оправдательных приговоров указывает на соблю-

дение законности в Южной Корее и отсутствие цели видеть в каждом врага народа.

В связи со сказанным можно сделать вывод, что проблема корейского объединения пока далека от решения, по крайней мере, политическим путем. Более вероятен вариант с ослаблением препятствий для взаимодействия жителей южной и северной сторон Корейского полуострова.

Список литературы

1. 민 태 은. 저출생과 국제이주 시대의 한반도 통일정책 // 온라인시리즈. 2024. URL: https://www.kinu.or.kr/main/module/report/view.do?idx=125466&category=53&nav_code=mai1674786581 (дата обращения: 22.09.2024).
2. Забровская Л. В. Корейские концепции объединения страны и позиция России // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 80–90.
3. Расулов Э. Р. Актуальные проблемы миграции в современном южнокорейском обществе // Корея и Россия: общество, политика, история, культура : к 120-летию корееведения в С.-Петерб. гос. ун-те. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 315–329.
4. Добряков Д. А. Общая характеристика и система уголовного законодательства Республики Корея // Право и государство. 2022. № 1 (94). С. 78–93. DOI: https://doi.org/10.51634/2307-5201_2022_1_78
5. Будыка В. К. Обеспечение национальной безопасности государства на примере анализа нормативно-правовых актов Республики Корея // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 17 дек. 2020 г.) / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. С. 23–27.
6. Толстокулаков И. А. Эволюция законодательства Республики Корея в сфере национальной безопасности // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5 (135). С. 75–84.
7. Kim Soo-Am. The North Korean Penal Code, Criminal Procedures, and their Actual Applications. Seoul : Korea Institute for National Unification, 2006. 66 p.
8. Смирнова И. Г. Историко-правовой анализ института защиты в Китайской Народной Республике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 9–15.

References

1. Min Tae-Eun. Unification Policies for the Korean Peninsula in the Era of Low Birth Rates and International Migration. *Online Series*. 2024. Available at: https://www.kinu.or.kr/main/module/report/view.do?idx=125466&category=53&nav_code=mai1674786581 (accessed: 22.09.2024). (In Korean)
2. Zabrovskaja L. V. Korean Conceptions of the Reunification and Russia's Position. *Russia and the Pacific*. 2014;2:80-90. (In Russ.)
3. Rasulov E. R. Current Issues of Migration in Modern South Korean Society. In: *Korea and Russia: Society, Politics, History, Culture*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; 2018. P. 315–329. (In Russ.)
4. Dobryakov D. A. General Characteristics and System of the Republic of Korea Criminal Legislation. *Law and State*. 2022;1:78-93. DOI: https://doi.org/10.51634/2307-5201_2022_1_78 (In Russ.)
5. Budyka V. K. Ensuring National Security of the State on the Example of the Analysis of Legal Acts of the Republic of Korea. In: *Bespalova S. V. (Ed.). Current Issues of National Security Assurance*. Donetsk: Donetsk National University Publ.; 2021. P. 23–27. (In Russ.)
6. Tolstokulakov I. A. Evolution and Modern Contents of the National Security Law in the South Korea. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2007;5:75-84. (In Russ.)
7. Kim Soo-Am. *The North Korean Penal Code, Criminal Procedures, and their Actual Applications*. Seoul: Korea Institute for National Unification Publ.; 2006. 66 p.
8. Smirnova I. G. The Historical and Legal Analysis of the Protection's Institute in the China. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2016;6:9-15. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимур Рашидович Сабитов, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, 620066, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>; SPIN-код: 3250-8705; AuthorID: 688440; e-mail: trsabitov@yandex.ru;

Артём Александрович Гилёв, преподаватель кафедры государственного управления и отраслевых политик Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, 630102, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9124-9475>; e-mail: henmul@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Timur R. Sabitov, Professor of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5659-5571>; SPIN-код: 3250-8705; AuthorID: 688440; e-mail: trsabitov@yandex.ru;

Artem A. Gilev, Lecturer at the Siberian Institute of Management – a branch of RANEPА (6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9124-9475>; e-mail: henmul@yandex.ru

Поступила | Received
23.09.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
23.10.2024

Принята к публикации | Accepted
23.10.2024